

только! Подъѣхалъ старикъ, слѣзъ съ воза и подошелъ къ Лисичкѣ: та не ворохнется. «Вотъ такъ находка! — говоритъ мужикъ. — Женѣ на воротникъ и себѣ на шапку». Взялъ онъ Лису, положилъ на возъ, сверху рогожей прикрылъ, и пошелъ впереди лошади. А Лисичка улучила время и давай выбрасывать полегоніку изъ воза: все по рыбкѣ да по рыбкѣ, все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу, прыгъ съ воза,—и была такова.

Пріѣхалъ мужикъ домой. «Ну, жена, какой я воротникъ привезъ тебѣ на шубу!» — «Гдѣ?» — «Тамъ, на возу съ рыбой лежить». Побѣжала баба къ возу,—а тамъ ни рыбы, ни воротника. Принялась она мужа бранить: «Ахъ ты такой-сякой! Еще вздумалъ шутки надо мной шутить!» Подошелъ и мужикъ, обшарилъ возъ,—тоже ничего не нашелъ. Тутъ и смекнулъ онъ, что Лисичка-то не мертвая была.

Какъ Лиса Волку за бычка отплатила.

А Лиса собрала всю рыбу въ кучку, сѣла и ѣсть себѣ. Глядь,—по дорогѣ Волкъ-Евстифейка идетъ. «Здравствуй, кумушка! Что это ты, рыбку кушаешь? Дай мнѣ!» — «Налови самъ, да и ѣшь». — «Да я не умѣю». — «Эхъ, ничего-то ты не умѣешь. Ну, на вотъ рыбку, попробуй!» Проглотилъ Волкъ рыбку, и сталъ Лису просить, чтобы она научила его, какъ ему самому такой рыбы наловить. «Ну, ладно, — говоритъ Лиса,—я тебя научу: ступай ты на рѣку и спусти хвостъ въ прорубь: рыба сама тебѣ на хвостъ нацѣпляется. Да смотри, сиди подольше, а то не наловишь». — «Спасибо, кумушка, за науку!» Повела Лиса его къ проруби, а дорогой и говоритъ: «Когда будешь, Евстифеюшка, ловить, приговаривай: ловись рыбка большая и маленькая! А то, коли одна большая наловится,—смотри, пожалуй и не вытацишь». Сѣлъ волкъ, хвостъ опустилъ въ прорубь, а самъ бормочетъ: «Ловися рыбка все большая да большая!

Увидели бабы Сыраю, крик подняли.

Ловися рыбка, все большая да большая!» А Лисичка кругомъ по-хаживаетъ, на небо посматриваетъ да приговариваетъ: «На небѣ ясни, ясни: мерзни, мерзни волчій хвостъ!» — «Что ты, кумушка, говоришь?» — спрашиваетъ волкъ. — «Рыбку тебѣ, куманекъ, скликаю».

Сидѣлъ, сидѣлъ волкъ у проруби, ужъ и ночь проходить, свѣтатъ стало. Попробовалъ было онъ приподняться — не тутъ то было. «Эка, сколько, рыбы привалило, и не вытащишь», — думаетъ. — «Не пора ли, кумушка, тащить?» — «Посиди еще, куманекъ: больше наловится». Занялась заря утренняя, потянулись бабы изъ села съ ведрами, съ коромыслами. Тутъ Лисичка хвостикомъ махнула и была такова, а Волкъ, какъ ни рвется — все ни съ мѣста: крѣпко примерзъ хвостъ къ проруби, держитъ его, какъ на привязи. Увидали бабы Сѣраго, крикъ подняли; сбѣжался народъ и давай Волка угощать всѣмъ, что кому въ руки попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ полхвоста и убѣжалъ.

Пока Волкъ отдувался своими боками, Лисичка захотѣла попробовать, не удастся ли еще что нибудь стянуть. Забралась она въ одну избу, гдѣ бабы блины пекли, да и попали невзначай головой въ кадушку съ тѣстомъ; вымазалась вся — и бѣжить. А Волкъ, избитый ей навстрѣчу. «Такъ-то ты, Лиса, меня учишь? Отъ твоей науки я принялъ такой муки, что безъ хвоста остался.» — «Эхъ, куманекъ, — говоритъ Лиса, — съ кѣмъ бѣда не живетъ! Тебѣ безъ полхвоста еще съ полгоря. А мнѣ то каково? Меня еще больнѣй твоего прибили: у тебя хоть кровь выступила, а у меня-то мозгъ. Видишь, насилиу плетусь». — «Батюшки! — говоритъ Волкъ. — Какъ тебя изуродовали! И то правда, кумушка, гдѣ ужъ тебѣ идти: садись на меня, я тебя дорезу». Съела Лисичка Волку на спину, и повезъ онъ ее. Вотъ она сидитъ, да потихоньку приговариваетъ: «Битый небитаго веветъ, битый небитаго везетъ». — «Что ты, кумушка, говоришь?» — «Я, куманекъ, говорю: битый, молъ, битаго везетъ». — «Правда, кумушка, охъ, правда».